

Бетховен поколения «П»

Блистательная акция Бориса Березовского

Некогда Эмиль Гилельс, один из главных исполнителей пяти фортепианных концертов Бетховена, посвящал им три вечера. Борис Березовский сыграл их подряд — в один вечер.

Апрель, -2001, -24 сент. - 0.10

Михаил ЖИРМУНСКИЙ

Если раньше этот «спорт» сравнили бы со святотатством, то сейчас Борис Березовский — победитель Конкурса имени Чайковского 1990 года, давний житель Лондона, чьи стильные черно-белые портреты на обложках дисков элитарной фирмы Teldec справедливо обещают высший уровень современного пианистического мышления, — доказал, что в его системе координат такое возможно и оправданно, несмотря даже на очевидную утомительность более чем трехчасового мероприятия.

Редкий классический концерт может стать столь яркой приметой смены столетий. Кардинально изменилась сама драматургия бетховенской программы. Для предшествующих поколений эта музыка предполагала гораздо большую концентрацию работы духа, и пианисты давали им обильную пищу для размышлений. В игре не только Гилельса, но и Элисо Вирсаладзе, у которой учился Березовский, буквально каждое прикосновение к клавише (в медленных частях) отдавалось в сердце, а образы каждого концерта имели некую вечную ценность. Мышление же Березовского и Александра Рудина (он дирижировал своим камерным оркестром «Musica Viva», замечательно справляющимся с воплощением масштабных идей), как принято в наше

постмодернистское время, отстраняется от прямого внутреннего контакта с венским классиком двухсотлетней давности, представляя публике многогранную глыбу целиком как образец музыкального письма определенного типа.

Пальцы пианиста своим фантастическим бегом буквально отрывают слушателя от земли, звук Березовского (школа Вирсаладзе!) — один из самых совершенных среди пианистов его поколения, с прозрачным пианиссимо и богатейшим спектром динамических оттенков. Второй плюс — принципы трактовки Бетховена: сколь захватывают полетные ускоренные темпы быстрых частей, столь же гипнотизируют замедленные адажио и ларго. Слушатель оживлен этим чередованием, и хотя мысль от долгого внимания на какие-то моменты все чаще начинает отключаться, удовольствие пребывания в зале обретает свою стабильность: все, во что нужно было вникнуть, публика уже поняла, окончательно свыклась с Бетховеном и теперь едва ли не бесконечно согласна переносить гармоничный шум его творений. Это и есть главный и, видимо, запланированный результат невероятных физических усилий солиста, необходимых для декларируемого им «глобализма» своих программ.

Кроме упоения собственным пианизмом с его стилистической верностью, вкусом и блеском,

ВИКТОР АХТОМОВ

Титан Борис Березовский репетирует

Березовский в пяти бетховенских концертах почти ничего не переживает. Порой ему не до основательности в лепке формы, из-за быстрых темпов что-то теряется в фактуре финалов, а его игра

при всей красоте звучания — не душевный диалог с залом. Лишь изредка проскальзывает долгожданное личное «слово», которое, возможно, вообще бы и не прозвучало, будь в этом вечере

задействована не столь внушительная масса гениальной музыки. Пианист, например, «приторнозил» перед странноватым для Бетховена и потому загадочным соль-мажорным Четвертым кон-

цертом. Возникло впечатление, что каденция его первой части и следующая затем медленная часть стали той кульминацией, которая одухотворила это бесконечное удовольствие для ушей.